2

Aux confins du XXe siècle par Pierre Alissoff.
Prix : 25 centimes.

НА РУБЕЖѢ XX ВѢКА

(ВОСТОРЖЕННЫЯ МЕЧТАНІЯ)

I

Сумасшедшій старикъ Лиръ, въ рубищѣ, увитый соломою, при свѣтѣ молніи, приглядѣлся къ голяку нищему, дрогнувшему подъ дождемъ и произнесъ чудно безумныя слова: „Неужели это человѣкъ, и ничего болѣе? смотрите на него, на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелка отъ червя, а мы трое, мы не люди, мы поддѣланные! Вотъ человѣкъ, какъ онъ есть, бѣдное, голое, двуногое животное! Прочь съ меня все чужое!“

За этимъ монологомъ Лиру ничего не оставалось болѣе, какъ сбросить съ себя одежду.

Фраза эта, вырвавшаяся невольно у единственнаго обрѣтшаго разумъ монарха, потрясла меня глубоко.

Въ концѣ XVIII в. у Руссо вырвался стонъ изъ души: „Будь проклятъ тотъ, кто первый сказалъ: это мое.“ И затѣмъ, онъ посовѣтывалъ вернуться къ дикарямъ.

Въ концѣ XIX в. желая блистательно показать, что мы громадно двинулись впередъ, мы должны покойно и ясно произнести: Будь проклятъ тотъ часъ, когда проклятое подобіе нынѣшняго человѣка прошипѣло: *я*.

И съ улыбкою ледянаго презрѣнія, мы должны бросить болѣвой комъ земли на гробъ, въ которомъ будетъ покоиться наша цивилизація, кровавая, освистанная, ни къ дьяволу негодная, ничего намъ не давшая, тысячелѣтія насъ губившая.

И затѣмъ титанъ, раскрывшій тайны неба и земли, подслушавшій „дольней лозы прозябанье“, открывшій телескопъ, микроскопъ, телеграфъ и локомотивъ, сбрось съ себя пышныя, негодныя, глупыя одежды и безъ лопуха, — не стыдись — ступай въ дѣвственный лѣсъ или въ безпредѣльную пустыню и..... привыкай!.....

Тебѣ не удалась безумная попытка сдѣлаться человѣкомъ, ты похитилъ огонь съ неба и не смогъ сдѣлать на немъ простой питательной похлебки *для всѣхъ!* Въ новомъ, глупомъ чинѣ не съумѣлъ завоевать себѣ свободу и счастіе; опомнись и вернись — повѣрь, то будетъ великій прогрессъ — въ покинутый тобою напрасно, животный міръ. Разумно въ тебѣ только все животное!

Отщепенецъ отъ животнаго міра, неудачникъ природы, ты безсознательно выполз изъ теплой шкуры животнаго, теперь сознательно вползи въ покинутую шкуру и отогрѣйся! потерявъ *я*, ты вымѣняешь на него блюдо чечевицы.

Вѣнецъ творенія! ты не понялъ грубыхъ намековъ, не обратилъ вниманія на то, что тщетныя покушенія, впродолженіи тысячъ лѣтъ сдѣлаться человѣкомъ, тебѣ не удались.

Тысячи лѣтъ ты разгиналъ свою лохматую спину затѣмъ, чтобъ потомъ гнуть ее безобразно подло передъ первымъ сильнымъ проходимцемъ; десятки тысячъ лѣтъ пронеслись надъ тобою, и ты еще несовсѣмъ вылѣнялъ! тебѣ не удалось вполнѣ ослабить свои челюсти, мускулы, кожу, нервное вещество и атрофировать всѣ жизненные органы; трудности ростутъ передъ тобою съ каждымъ новымъ шагомъ по пути прогресса; разладъ между твоею мечтою, порывами и жизнью чудовищный... Слѣпой, ты упустилъ изъ виду свое спасеніе, сокровище лежало передъ тобою, стоило только протянуть руку! Сокровище это — способность сказочно быстро оскотиниваться. Стоитъ только пожелать и не пройдетъ столѣтія, какъ мы покроемся пухомъ, какъ инеемъ, отточимъ снова зубы и поумнѣемъ, на счастіе намъ, такъ колосально, что приведемъ въ неописанный ужасъ наше правительство. Не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ мы уже перестанемъ платить подати, отбывать воинскую повинность, служить въ III отдѣленіи и подавать царю адресы. Удалившись въ лѣсной просторъ, нужно начать добросовѣстно лазить по деревьямъ, цѣпляться за сучья, прыгать съ вѣтки на вѣтку и стараться всевозможными эволюціями, какъ можно скорѣе, пріобрѣсти себѣ необходимый для безмятежной жизни хвостъ. При нынѣшнемъ состояніи науки достигнуть этого весьма легко.

Не стоитъ и говорить о томъ, что нужно стараться, какъ можно менѣе говорить, — болѣе визжать, рычать, и всего важнѣе, какъ можно менѣе думать о чудесахъ цивилизаціи. Благодаря Романовымъ, мы потеряли даръ слова, они стерли границу, отдѣляющую насъ отъ міра животнаго... тѣмъ лучше...

Послѣ тысячелѣтняго прогресса, мы вдругъ узнали, — и

солона была новость — что мы не изъ дома Рюрикова, а изъ семейства мандрилъ. Страшный ударъ нанесенъ былъ излюбленному хамству — если такъ, то кому же кланяться?

Мы долго тѣшили свое сердце, что богъ-отецъ, открывъ намъ ротъ, какъ это дѣлаютъ люди, кормящіе каплуновъ галушками, вдунулъ въ насъ свое божественное *я*, въ концѣ концовъ, послѣ великихъ, безчисленныхъ открытій, намъ добродушно указали, что у насъ еще не совсѣмъ выпали клыки животнаго и не совсѣмъ слезла шуба старика мандрилы. Чего намъ ждать отъ будущаго, если прогрессъ, наука ведутъ къ такимъ неожиданнымъ умственнымъ пассажамъ? Къ чему прогрессъ? Можетъ быть, въ самомъ разгарѣ нашихъ восхищеній цивилизаціей, наука вдругъ произнесетъ, обдавъ насъ смертельнымъ холодомъ: „Повелитель вселенной! природа вами промахнулась — что не разъ случалось съ нею — вы совершенствуете ошибку, вы заблудились!“ И затѣмъ укажетъ густо заросшую тропинку въ дѣвственный лѣсъ.

Не лучше ли предупредить нечаянность, приготовиться, чтобы не испугаться.

Пока зарница вспыхиваетъ на небѣ, но скоро вспыхнутъ молніи...

II

Въ роскошномъ дѣвственномъ лѣсу, среди ліановъ и цвѣтовъ, пользуясь безграничной свободой, впивая мощною, лохматою грудью ароматическій воздухъ, безъ болѣзней, пустыхъ сомнѣній, печалей, цѣпляясь мускулистыми лапами за вѣтви высокихъ деревьевъ, перепрыгивая съ дерева на дерево, по-

висая и качаясь на хвостѣ, наслаждается принаровленное къ средѣ цѣльное существо, дикій крикъ упоенія вырывается у него по временамъ изъ груди, такъ кричатъ дѣти, полныя жизни, въ весенній день на лугу. Сила, эластичность, смѣлость въ каждомъ движеніи, въ каждомъ прыжкѣ! Дикое, свободное существо!

Но это веселое, рѣзвое, наслаждающееся существо дѣлается страшнымъ въ минуту опасности. Съ трескомъ летятъ кругомъ громадные сучья; лохматое чудовище выпрямляется, беретъ въ свои длинныя, покрытыя стальными мускулами, лапы, громадную дубину и скрипя зубами, съ вздыбренною шерстью, горящими глазами идетъ на противника и горе противнику, благородное существо не позволитъ никому наступитъ себѣ на ногу! (виноватъ на лапу)

О, русскій подданный! послѣ тысячъ лѣтъ прогресса, такъ ли ты встрѣчаешь въ часъ ночной жандармовъ? такъ ли поступаешь съ дворниками и урядниками? Такъ ли ты идешь на встрѣчу твоему смертельному врагу палачу — царю?!?

О, человѣкъ! не только ты самъ подлый холопъ, но ты умудрился охолопить и растлить все вокругъ себя: свободное, гордое животное, сдѣлавшись ручнымъ, стало не хуже тебя самаго переносить побои...

Въ прекрасномъ просторѣ нѣтъ царя и подданныхъ; нѣтъ поповъ и вѣрующихъ, дворцовъ и центральныхъ тюрьмъ; нѣтъ господина и работника, нѣтъ бога и храмовъ; чрезвычайныя мѣры и охраны тамъ немыслимы! Александръ III былъ бы тотчасъ убитъ тамъ первымъ попавшимся подъ лапу кокосовымъ орѣхомъ, и виновникъ не погибъ бы на висѣлицѣ!

Лохматое существо любитъ тою великою животною стра-

стью, которую тщетно старались воспѣть Байронъ въ „Гяурѣ,“ Петрарка въ своихъ сонетахъ; оно наслаждается съ лохматою жемчужиною сердца тѣмъ беззавѣтнымъ, не отравляемымъ счастьемъ, которымъ можетъ наслаждаться только существо вполнѣ уравновѣшенное, сильное, съ острою кровью въ жилахъ, незнающее болѣзней, одежды, комнатъ! и до этого счастья никогда въ своихъ грезахъ не подымутся золотушные Конрады Валленроды, Евгеніи Онѣгины, Печорины цивилизованнаго міра.

Въ вольномъ, лѣсномъ просторѣ нѣтъ брака, стремленіе къ счастью не есть уголовное преступленіе, да и ужасное слово преступленіе тамъ не существуетъ!

Это твой предокъ человѣкъ! Дѣвственный лѣсъ твоя свободная родина! Ты покинулъ родину, блудный сынъ, и долго пасъ свиней, покрытый коростою, но, опомнившись, покаявшись, ты снова вернешься на всеобщую родину, и природа раскроетъ тебѣ свои материнскія объятія! Въ этомъ возвращеніи и есть весь смыслъ твоей исторической жизни, въ этомъ вся ея злая мораль!

Я погубило тебя; съ того момента, какъ произнесено было страшное слово, небеса померкли, и вся природа закуталась въ саванъ; ты дерзкой рукою сорвалъ яблоко познанія, и природа вытолкнула тебя изъ рая и обрекла уродливаго выкидыша на муки, болѣзни, кровавый безплодный трудъ.....

Я создало власть, создало бога; первый вылупившійся изъ *Я* кровопійца, первый царь, началъ выдумывать, какъ отстоять за собою свое *Я*, превосходно и отчетливо произносимое, отъ тѣхъ, которые его произносятъ съ дрожью въ голосѣ, съ

сомнѣніемъ и тревогою въ головѣ и имѣютъ по временамъ склонность совсѣмъ забывать его.

Царь и попъ, первые два смѣлые негодяя, первые выдумщики, и съ нихъ тихонько начали назрѣвать, накопляясь по атому, — какъ известь отъ умершихъ инфузорій, формирующая исполинскіе, коралловые рифы — государственныя мудрыя учрежденія, законы, международныя права; къ ихъ услугамъ, вкрадчиво кланяясь до земли, явились блудницы: искусства, поэзія, философія. Они стали тихонько закрѣплять въ головахъ плохо произносившихъ *Я*, называя свою позорную болтовню логикой, все то неестественное, дикое, безобразное, которое, съ ножомъ и цѣпями въ рукахъ, старались закрѣпить царь и попъ, монополисты *Я*.

Но что ужаснѣе всего, — въ мозговой гущѣ, у soi disant человѣка завелся тонкій, длинный глистъ; начались Фаустовскія порыванія охватить весь міръ, прозрѣть на вылетъ безконечность!

Страннѣе всего, что титаническія, манфредовскія порыванія явились, когда мы еще не совсѣмъ были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. . . . . .

. . . . . .

И потянулись длинною вереницею, какъ чудовища волшебнаго фонаря, пугая наше воображеніе своею уродливою формою и сумбурностью, заливая міръ невинною кровью, Христна, Моисей, Будда, Іисусъ, Магометъ, и съ ними рука въ руку безчисленные Атиллы разныхъ націй. Во имя *Я* завоевывались колоссальныя страны, съ пылью смѣшивались громадные города; плодородныя долины и роскошнѣйшіе лѣса

обращались въ выжженныя пустыни, покрытыя трупами. Во имя *Я* воздвигались тюрьмы, созидались и разрушались дворцы и храмы; на пышныхъ алтаряхъ трепетали безчисленныя зарѣзанныя жертвы.

Хаосъ, смерть, муки, безумныя злодѣйства шли за колоссальнымъ *Я* позорною, мрачною свитою...

Выгодная ли для тебя разница существуетъ между тобою, дитя гуманнаго вѣка, и лютымъ волкомъ, пронырливою лисицей? Волкъ лупитъ шкуру съ ягненка и жретъ его; ты тоже лупишь шкуру съ бѣдняка, равнаго тебѣ человѣка, и затѣмъ пожираешь его. Твое пожираніе воспѣваютъ поэты, оправдываетъ исторія, возводитъ въ высочайшую, государственную мудрость философія; все за тебя! ты смакуешь мясо, пьешь кровь въ сласть и читаешь мораль надъ заѣденнымъ тобою трупомъ. Волкъ рѣжетъ ягненка безъ философіи; лисица душитъ цыпленка безъ морали и, на сколько возможно, старается своимъ пушистымъ хвостомъ замести за собою слѣдъ; послѣднее тебѣ не всегда удается.

Ни у волка, ни у лисицы нѣтъ угрызеній совѣсти, слѣдовательно они по своему правы. Ты дѣлаешь тоже самое съ разными угрызеніями совѣсти, слѣдовательно, творишь мерзость. Великое благо подарило тебѣ сознаніе!

. . . . . .

Вѣчныя, исполинскія звѣзды! десятки тысячъ лѣтъ нужны были, чтобы блѣдный лучъ вашъ дошелъ до нашего темненькаго міра. Что вамъ до насъ, до дряни, копошащейся на поверхности темненькаго міра, которая относится къ нему, какъ снѣжная пылинка къ снѣжнымъ вершинамъ Гималая?

Что вамъ до нашего прогресса, вѣчныя, исполинскія звѣзды! Движущаяся по скорлупкѣ слизь смѣетъ мечтать о прогрессѣ исторіи, торжествѣ надъ природою!

Но развѣ геологическій міръ не есть страшный міръ умиранія формъ? Гигантскія чудовища откладывались въ слои, вырождались въ ничтожныя — совсѣмъ вымирали, и земля по прежнему спокойно вращалась вокругъ солнца...

. . . . . .

III

Послѣ тысячъ лѣтъ исторической жизни, всѣхъ успѣховъ науки, безконечныхъ разсужденій и безчисленныхъ революцій, мы видимъ въ громадныхъ, прокоптѣлыхъ, зачумленныхъ зданіяхъ, подъ свистъ и грохотъ машинъ, милліоны людей, худыхъ, голодныхъ надрываютъ силы, выматываютъ нервы, чтобы отдать фильтрированную машинами кровь жирному *Я*, обладателю зданія и машины.

Столѣтія пролетаютъ за столѣтіями, какъ черные вороны надъ добычею, и сытое *Я* по прежнему мучаетъ и губитъ все голодное и несчастное за то, что оно осмѣливается, иногда, заявлять, что *оно*, пожираемое, изо дня въ день, до подлости медленно и до ужаса въ сласть, то же *Я*.

Не даромъ милліарды людей, въ продолженіи сотенъ вѣковъ, терзались и гибли отъ холода, голода, болѣзней въ неумолимой, невыносимо злой борьбѣ за человѣческое существованіе. Какая дерущая, кроваво желчная иронія: *за человѣческое существованіе!!*... Оно вполнѣ достигнуто!...

Горилла весело разгуливаетъ по лѣсу, впивая всѣмъ существомъ своимъ солнце и воздухъ; свободный, независимый, уравновѣшенный, онъ не мучается адскою пыткою сознанія.

Сынъ цивилизаціи, вѣнецъ творенія, измѣрившій скорость свѣта, объемъ и вѣсъ невидимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ, передающій слово свое черезъ могучую ширь океана въ секунду, изнываетъ въ горѣ, лишеніяхъ, въ черномъ рабствѣ, съ еле брезжащей надеждой на полное счастье и освобожденіе, съ унылымъ мертвящимъ сознаніемъ вѣчнаго безсилія своего *Я*. Онъ работаетъ, работаетъ изъ за одной пищи; поймите — изъ за одной пищи! Духовныя блага для сотенъ милліоновъ людей, вплоть до настоящей минуты — преступная утопія.

Маленькій, рѣзвый горилла сосетъ сладкій плодъ въ тѣни роскошныхъ пальмъ, играя съ разноцвѣтными бабочками.

Сыны великаго вѣка, дѣти рабочихъ, надежда, слава и сила будущаго, ползаютъ въ грязи, вони, во тьмѣ. Голодъ, холодъ, непосильный трудъ искривляютъ дѣтскія кости, надрываютъ слабыя, дѣтскія груди, жалкіе мускулы. Въ непроглядной тьмѣ въ самомъ зародышѣ погибаетъ умственная жизнь сотенъ милліоновъ людей.

Въ лѣсъ! скорѣе въ лѣсъ, неудавшееся, поддѣланное существо! Пора кончить невыносимые опыты, безцѣльныя, мучительныя операціи. Иди скорѣй заглаживать промахъ человѣческаго существованія!

. . . . . .

Но вы воскликните: „въ мірѣ царятъ красота, поэзія, искусства, науки, удобства жизни!“ Увы! XIX вѣкъ позна-

комплъ насъ со статистикой; прозаическія цифры „грознѣе небесныхъ бурь несли въ міръ разрушенія“; насъ зарѣзали цифры. Четыре правила ариѳметики убили воздушные замки, грандіозныя иллюзіи. Соціалисты прибѣгли къ всепобѣдной помощи цифръ и, полные гнѣва, отдернули покрывало, показали намъ изнанку цивилизованной жизни; они высчитали процентъ относительно наслаждающихся, носящіе въ себѣ живую душу онѣмѣли отъ ужаса; наглые, подлые, глупые, обожающіе свою шкуру, силились было заговорить, отрицать, но языкъ сталъ прилипать къ гортани, вмѣсто словъ начали вырываться блеянія, безсвязный лепетъ косноязычнаго; они пожелали даже смѣяться, но вмѣсто свѣтлой улыбки, являлись овтратительныя корчи. . . . . .

. . . . . .

(*Продолженіе будетъ*)

* * *

Я получилъ въ одинъ и тотъ же день: „На родинѣ“ № 3 и „Правительственный Вѣстникъ.“ „На родинѣ“ производитъ впечатлѣніе, граничащее съ пыткою, чисто кожу сдираютъ. Біографіи, корреспонденціи полны потрясающихъ фактовъ, они много говорятъ уму и сердцу, подсказываютъ зловѣщія мысли. Книжки „На родинѣ“ пріобрѣтутъ громадное значеніе, онѣ посвящаются не однимъ революціонерамъ, но и публикѣ; горячее слово сѣетъ всюду страшную ненависть къ истязателямъ, глубокую любовь къ истязуемымъ. На послѣдней страницѣ помѣщено воззваніе одесской партіи „Народной Воли,“ оно перепечатано во всѣхъ запрещенныхъ орга-

нахъ и во многихъ иностранныхъ газетахъ. Политическихъ заключенныхъ начинаютъ загрызать всюду безъ промедленія; царь повелѣлъ губить ихъ безъ пощады; сырость, голодъ, холодъ, побои пущены на чистоту; убійцы сняли маски и съ хохотомъ заглядываютъ въ глаза умирающимъ. Тюремный докторъ Розенъ съ улыбочкой совѣтуетъ больнымъ и голоднымъ всасывать опухоли и нарывы; онъ рычитъ на всю тюрьму, что политическимъ жертвамъ не докторъ нуженъ, но палачъ. Тюремный песъ, мечтающій о денежкахъ и повышеніяхъ забылъ, что онъ самъ уже давно не докторъ, но восторженный палачъ, что не такъ давно, во время казни Халтурина и Желвакова, онъ училъ неопытнаго палача дѣлать петлю и съ прибауточками примѣривалъ ее на шеяхъ приговоренныхъ. Пусть рожа проклятаго негодяя до самой его смерти будетъ всеобщею грязной лоханью, пусть умретъ онъ подъ оплеухами!

Смотритель тюрьмы Зубочевскій вступилъ въ соревнованіе съ Розеномъ: умирающихъ въ чахоткѣ онъ швыряетъ въ карцеры, приказываетъ умирающихъ бить; пытки перешли предѣлы возможнаго, вспыхнулъ голодный бунтъ. Александровская креатура не смутилась и весело заявила: „это у насъ не ново, мы будемъ ихъ питать клистирами!“

Душа изнемогла, я закрылъ скорбную лѣтопись; раскрылъ „Правительственный Вѣстникъ,“ первая страница посвящена описанію бала въ зимнемъ дворцѣ.

„Въ восемь часовъ вечера ярко освѣтилась громадная николаевская зала. Подъ сѣнью двухъ гигантскихъ латаній возвышалась эстрада, декорированная краснымъ сукномъ и тепличными растеніями. На эстрадѣ помѣщался придворный ор-

кестръ, въ парадныхъ красныхъ кафтанахъ. Въ помпеевской галлереѣ были устроены большіе буфеты съ шампанскимъ, мороженнымъ, сластями и фруктами. Вся тропическая растительность зимняго сада и его бьющій фонтанъ были изящно иллюминованы. Дамскій буфетъ былъ въ Ротондѣ; для высочайшихъ особъ въ малахитовой гостинной.

Его величество былъ въ кавалергардскомъ бальномъ мундирѣ, Ея Величество въ блѣдно розовомъ бальномъ платьѣ; голова была украшена брилліантовой діадемой.

Въ 12 часовъ ночи послѣдовалъ ужинъ на 2800 человѣкъ. Въ залахъ, занятыхъ ужиномъ, кромѣ газоваго освѣщенія и лампъ горѣли 30,000 свѣчей. Сервировка столовъ отличалась великолѣпіемъ. Особенно художественно были сервированы 9 столовъ. Противъ куверта государыни, кромѣ драгоцѣннаго столоваго сервиза, массивныхъ вазъ, съ рѣдкими живыми цвѣтами и фруктами, былъ раскинутъ столовый коверъ изъ живыхъ ландышей и гіацинтовъ."

Поймете ли датская сучка, что живые ландыши и гіацинты выросли на нашемъ обезображенномъ трупѣ? Поймете ли сказочный грабитель, нагло издѣвающійся цѣлыхъ два года надъ Россіей, что драгоцѣнныя вина, льющіяся рѣкой — кровь нашего истерзаннаго сердца!?

Кто вразумитъ рѣзвящихся самцевъ и самокъ? Какая сила, исключая страшной силы взрывающей, пробудитъ совѣсть у кровожадныхъ паразитовъ, безпрерывно впитывающихъ и извергающихъ пищу? Они рождены безъ нея и околѣютъ безъ нея. Совѣсть сослана на каторгу, она изнываетъ въ тюрьмѣ; дворецъ свободенъ отъ нея. Отвратительный спрутъ раскинулъ по всей Россіи чудовищные плети, покры-

тые кровососными банками; студенистая масса и сосетъ, и душитъ, проклятые плети тихо ползутъ къ нашему горлу...

30,000 свѣчей!!! Всгала передо мной занесенная снѣгомъ лачуга; сидитъ въ ней синій ребенокъ въ дерюгѣ, щелкаетъ желтыми зубами; потухающимъ огонькомъ горитъ лучинка.

Черноокая царица! тебя ослѣпили 30,000 свѣчей и громадные брилліанты твоего ожерелья, твоей діадемы; смрадная, бальная атмосфера одурила всѣхъ васъ; вы не слышите, что высоко, высоко надъ вами вѣетъ прохладное дыханіе смерти.

Приглядись пристально царица, покрытая брилліантами, въ брилліантовыхъ браслетахъ! тамъ вдали, куда не проникаетъ свѣтъ отъ 30,000 свѣчей, въ полумракѣ стоитъ призракъ-дѣвушка, больная, блѣдная, вся въ бѣломъ; у ней веревка на шеѣ; на блѣдныхъ, тонкихъ рукахъ висятъ черныя цѣпи; кровь падаетъ каплями изъ подъ желѣзныхъ браслетъ. Дѣвушка знакомая; много, много разъ мы встрѣчали милыя добрыя черты; она на всѣхъ похожа; печальные глаза устремлены на пирующихъ и неразгаданная тайна страшно свѣтится въ нихъ. О, еслибы, царица, твоя птичья головенка въ состояніи была понимать только то, что ужъ стали понимать наши дѣти, и комокъ въ твоей пустой груди въ состояніи былъ бы биться въ тактъ съ человѣческимъ сердцемъ, ты постаралась бы узнать тайну, скрывающуюся въ печальномъ взорѣ и умолила бы все, все разсказать.

Разсказала бы тебѣ больная дѣвушка, покрытая кровью, съ цѣпями на блѣдныхъ, худыхъ рукахъ, съ веревкою на шеѣ, исторію ужасовъ; развернула бы картины невѣроятныхъ, незаслуженныхъ мукъ, длящихся изъ минуты въ минуту, изъ

часа въ часъ, годы, цѣлую жизнь. Діадема загорѣлась бы на твоей головѣ, какъ заколдованный вѣнецъ Медеи; почернѣли бы брилліанты на твоемъ ожерельи и брилліантовый ошейникъ удавилъ бы тебя!

Наслаждайтесь, пируйте, вѣнчайтеся цвѣтами, самодовольные, безпробудные злодѣи и ненасытные воры! Вы танцуете бѣшеный танецъ на своихъ собственныхъ гробахъ. Смерть тихо бродитъ между вами, переодѣтая; когда вы хохочете. она хохочетъ громче васъ; когда вы задумываетесь, она задумывается глубже васъ; грозная, неумолимая, она позоветъ въ часъ, когда менѣе всего вы будете приготовлены; ничто не спасетъ васъ! Смерть развернула надъ вашими головами свое таинственное знамя. Каменный Гость стоитъ у дверей....

. . . . . .

Февраль, 1884.

П. Алисовъ.

LIBRAIRIE ELPIDINE — GENEVE

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

П. Ѳ. Алисова:

Сборникъ литературныхъ и политическихъ статей — 4 фр. Христіанство передъ судомъ соціализма — 2 фр. Брошюры: Александръ II Освободитель — 1 фр. Alexandre II Libérateur. 2 édition.— 25 cent. Нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ Тургенева — 50 сант. Процессъ 193 — 50 сант. Реквіемъ — 50 сант. Россійское броженіе подъ микроскопомъ — 50 сант. Спасеніе отечества съ выдачею 100.000 рубл. впередъ—20 с. Процессъ 16 — 10 с. Я предпочитаю Цитовичей — 25 сант. Ѳедоръ Михаиловичъ Достоевскій—25 с. Великая казнь—25 с. Витова пляска — 25 с. Александръ III Милостивый — 25 с. Александръ III Реформаторъ (Картина первая) — 25 сант. Александръ III Реформаторъ (Картина вторая) — 25 сант. „Вольное слово“ — 25 сант. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ — 25 с. В. А. Зайцевъ — 25 с. Расплюевъ — 25 с. Заколдованный кругъ — 25 сант. Бѣлый генералъ — 25 сант. Лавры и Розы — 25 сант. Божественное масло — 25 сант.

Чернышевскій. 5 томовъ. — Его же: Кавеньякъ. Антропологическій принципъ въ философіи. Борьба партій во Франціи. Іюльская монархія. Лессингъ. Что дѣлать? Научились ли?

Герценъ. Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ. Колоколъ.

Періодическіе журналы:

„Общее Дѣло“. Съ мая 1877 по 1881.

„Набатъ“. Съ 1876 по 1879.

„Впередъ“. IV и V т. „Община“. 9 номеровъ.